

ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Л. Г. Ким, Т. Р. Сагдиев

THE INTERPRETATIONAL FUNCTIONING OF METAPHOR IN THE PUBLICISTIC TEXT

L. G. Kim, T. R. Sagdiev

Статья выполнена при поддержке гранта Минобрнауки № 16.740.11.0422 «Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование».

В статье рассматривается метафора как объект авторской интерпретации в публицистическом дискурсе, а также устанавливаются типы такой интерпретации.

The article deals with the metaphor as an object of the author's interpretation in the publicistic discourse, the types of such an interpretation being pointed out.

Ключевые слова: метафора, интерпретация, интерпретируемая единица, интерпретирующий текст, семантизация, типы интерпретации.

Keywords: metaphor, interpretation, interpreted unit, interpreting text, semantization, types of interpretation.

Вводные замечания

Задачей настоящей статьи является рассмотрение метафоры как объекта авторской интерпретации в публицистическом дискурсе, а также выявление способов такой интерпретации.

Исследование метафоры имеет давнюю традицию, которая восходит к эпохе античности и сохраняет свою актуальность до сегодняшних дней. Начиная с Аристотеля, метафора исследовалась, прежде всего, как языковой феномен, фигура речи, троп, лингвистический прием, основанный на переносе свойств одного объекта на другой. В философском ракурсе исследование метафоры связано с фундаментальными гносеологическими вопросами связи мышления и языка, с проблемой невозможности взаимно однозначного перевода элементов мира и элементов языка [9, с. 173 – 193; 14, с. 358 – 386; 18, с. 416 – 433]. В конце XX в. получает развитие когнитивное направление исследования метафоры, согласно которому метафора представляет собой инструмент познания, структурирования и объяснения действительности [1, с. 147 – 174; 2, с. 5 – 32; 3; 4, с. 73 – 94; 5, с. 153 – 172; 11, с. 27 – 30; 12; 13; 19, с. 26 – 52; 21 и др.]. Когнитивный подход раскрывает вопросы эпистемологического статуса концептуальной метафоры, способствует изучению ее когнитивных и коммуникативных функций. Одним из современных направлений данного подхода является, в частности, исследование метафорических концептов [17, с. 13 – 75].

Однако интерпретационный потенциал метафоры в ее дискурсивном функционировании не подвергался пристальному вниманию современной лингвистики. Такой подход предполагает рассмотрение метафоры как единицы, как слова-стимула, детерминирующего создание и деривационное развитие интерпретирующего текста. Например, *В последнее время всё чаще говорят о «войне цивилизаций». По сути, речь идёт в большей степени о проблеме иммиграции. А точнее, о растущей с каждым годом в Западной, а теперь уже и в Восточной Европе армии темнокожих и белокожих иммигрантов-мусульман, враждебных хри-*

стианству и не принимающих западную цивилизацию ни в чём, кроме развлечений и социального вспомоществования (В. Большаков. ЛГ, № 50, 2010 г.).

Метафора как объект авторской интерпретации

Д. Дэвидсон называл метафору «грезой, сном языка» [9, с. 173]. По его мнению, понимание, а значит, и интерпретация метафоры носит творческий характер и не подчиняется заранее установленным правилам. Именно поэтому Д. Дэвидсон подчеркивал важность вербализованной интерпретации метафоры. П. Рикер называл метафору «моделью изменения нашего способа смотреть на вещи, способа восприятия мира» [18, с. 425]. По его словам, «творец метафор – это тот мастер с даром слова, который из выражения, непригодного для буквальной интерпретации, создает высказывание, значимое с точки зрения новой интерпретации, которая вполне заслуживает названия метафорической, поскольку порождает метафору не только как нечто отклоняющееся от нормы, но и как нечто приемлемое» [18, с. 419].

Таким образом, главным достижением когнитивной метафорологии стали интеракционистская и антропоцентрическая теоретические модели порождения, понимания и интерпретации метафоры. Интерпретация метафоры как лингвокогнитивный процесс проявляется посредством текста, в нашем случае публицистического. Публицистический текст при этом рассматривается как явление не только языка, социума, эпохи, но и как объективация определенных способов мышления. Рассматривая интерпретацию метафоры только как процесс, происходящий в сознании адресата-реципиента-читателя, многие исследователи не обращают внимания на то, что интерпретация метафоры наряду с этим является одной из форм проявления авторского начала.

Тот факт, что некоторые метафоры для того, чтобы быть понятыми, нуждаются в том или ином сопроводительном интерпретирующем тексте, был замечен давно. В античной риторической традиции сложные

для понимания, вызывающие неуместные ассоциации метафоры именовали рискованными.

Истолкование метафоры как авторский тип текста было особенно актуальным в Средние века, когда возникла необходимость богословской и философской интерпретации многочисленных метафорических по своему характеру фрагментов Священного Писания. Ядром Средневековой культуры на протяжении столетий была герменевтика – искусство интерпретации текстов. Именно интерпретируемая, а не «свободная» метафора, в наибольшей мере отвечала прагматическим потребностям своего времени. Так, В. К. Харченко замечает, что «авторы поучений и проповедей эмпирически нашли такое свойство метафоры, которое увеличивало ее этический эффект, а именно – развертывание, распространение, текстопорождение метафор» [20, с. 48].

В эпоху Просвещения получила заметное распространение форма басни – метафорической притчи о животных, подразумевающей человеческие отношения, снабженная простейшим интерпретирующим авторским текстом – «моралью».

В настоящее время основные функции, связанные в Средние века с церковными институтами, а в эпоху Просвещения с поэзией, перешли к публицистике. Современный публицистический текст является наследником и проповеди, и басни, и именно потому интерпретируемая автором метафора получила в его рамках заметное распространение.

Чтобы понять особенности авторской интерпретации метафоры, обратимся сначала к разработанной нами модели интерпретации текста, согласно которой «интерпретация как процесс представляет собой когнитивную (ментально-языковую) деятельность, сущность которой заключается в «смыслосчитывании», или распрямлении, т. е. процессе, при котором содержание (смысл) языкового выражения (предмета) становится достоянием субъекта-интерпретатора, и смыслопостроением, или опредмечиванием, т. е. процессе, при котором содержание (воспринимаемый смысл) получает языковое воплощение» [10, с. 95]. Применительно к метафоре процедуру «смыслосчитывания» следует понимать как обращение к внутренней форме, поиск в пределах ассоциативной области взаимодействия смыслов, или, по выражению А. Тварского, «сканирование признаков пространства» (цит. по: [16, с. 224]).

В экспериментальных исследованиях различаются интерпретируемый и интерпретирующий тексты как принадлежащие разным субъектам. При этом один интерпретируемый текст служит источником возникновения множества интерпретирующих текстов, в той или иной степени различающихся между собой. В рассматриваемых нами публицистических текстах, извлеченных из «Литературной газеты» (далее ЛГ), как правило, и исходный текст – «метафора», и интерпретирующий текст, во-первых, принадлежат одному автору, а во-вторых, не разграничены формально как два текста, но могут быть выделены умозрительно. Так, В. П. Москвин, рассматривая такой способ интерпретации текста, как его «развертывание», пишет, что «одним из параметров анализа развернутой метафоры может послужить логическая

последовательность ее компонентов. По этому параметру в метафорической цепочке можно выделить две части: исходную метафору и метафорическую развертку» [15, с. 137].

Причина авторской интерпретации собственной метафоры заключается в необходимости сузить вариативность ее понимания адресатом, поскольку смысловое содержание текста, получаемого адресатом, т. е. интерпретируемого текста, в процессе его (адресата) интерпретационной деятельности преобразуется, в результате чего адресат-интерпретатор имеет на выходе интерпретирующий текст, смысловое содержание которого при тождестве формы может в большей или меньшей степени, существенно или несущественно отличаться от смыслового содержания интерпретируемого текста. При этом особенность интерпретации метафоры заключается в том, что смысловое поле метафоры изначально является потенциально многозначным, поэтому в большинстве случаев нельзя говорить о нетождественности метафоры и ее интерпретации. Интерпретация метафоры является творческим вкладом в содержание метафоры, а не искажением данного содержания.

Иногда многозначность смысла метафоры не требует вербально выраженной интерпретации. Многие метафоры лирических стихотворений не нуждаются в шлейфе объяснений. Допущение разных интерпретаций является одной из родовых черт поэтического и, шире, художественного дискурса вообще. Интерпретация противоречит художественному тексту. Однако для публицистического текста, в отличие от художественного, широкая вариативность интерпретации в большинстве случаев противоречит основным функциональным установкам, направленным на убеждение адресата в правильности авторской точки зрения, на изменение отношения адресата к различным объектам социальной реальности. Автор публицистического текста решает задачу проводника, направляющего читателя по одному из возможных векторов внутри ассоциативно-семантического поля, заданного внутренней формой метафоры.

Именно на интерпретативном потенциале основано такое свойство метафоры, как генеративность, «текстопорождающая сила», отмечаемое многими авторами. Например, В. К. Харченко пишет: «Текстообразующими свойствами метафоры называется ее способность быть мотивированной, развернутой, т. е. объясненной и продолженной. <...> Метафора порождает текст, но в этом тексте может быть столько же творчества, сколько в самой метафоре» [20, с. 23].

Метаязыковая обусловленность интерпретации метафоры

Любая интерпретация языковой единицы по своей природе носит метаязыковой характер. И. Т. Вепрева определяет уровни существования метаязыкового сознания – теоретический и обыденный. Теоретический уровень представлен системой научных понятий, концепций, теорий. Научные знания – это результат профессиональной познавательной деятельности, а обыденные знания формируются в повседневной речевой практике и представляют собой донаучный

взгляд на язык [7, с. 55]. Именно обыденные знания, как правило, представлены в газетной публицистике.

В публицистических текстах «Литературной газеты» нередко встречаются метаязыковые по своему характеру высказывания, касающиеся того, каким образом публицисты представляют и оценивают такое языковое явление, как метафора.

Рассмотрим пример, показывающий, что метафора в метаязыковом сознании отечественных публицистов может пониматься не только как сопряжение двух отстоящих друг от друга смыслов слова-параметра и слова-аргумента, но и отдельно взятое слово, которое начинает приобретать новый, несвойственный ему смысл или менять свое значение. В данном примере слово «народ» начинает пониматься не как общеупотребительная лексическая единица, но как единица метафорическая. Этот смысловой переход сразу вызывает к жизни несколько различных несовпадающих интерпретаций, являющихся объектом развернутой рефлексии автора А. Макарова в статье «Без кого народ неполный» (ЛГ, № 51, 2010).

Сначала автор описывает сам факт изменения внутренней формы слова «народ», его переосознания как метафоры («образное и даже поэтическое понятие»): *«Некоторые продвинутые умы само существование такого явления, как народ, подвергают сомнению. Во всяком случае, считают его крайне размытым и неопределённым. Кто они, собственно, такие, образующие этот пресловутый «народ»? Шукшинские «чудики»? Пассажиры автобусов и электричек? Потребители водки, колбасы и прочих общедоступных товаров? В процессе разного рода высоколобых дискуссий высказываются догадки о том, что, может быть, никакого народа, на самом деле и нет, что это всего лишь некое образное и даже поэтическое понятие, придуманное для обозначения различных социальных страт и этнических общностей»*.

Можно заметить, что автор считает метафору принадлежностью интеллектуального дискурса, хотя и дает ему негативную оценку – «высоколобые дискуссии». Метафора в метаязыковом сознании – «образное и даже поэтическое понятие». Затем автор приводит примеры трактования этой метафоры со стороны как «гламурных героев нашего времени», так и «почвенников»: *Гламурные герои нашего времени брезгливо называют народ собранием «совков» и «лохов», бывшие трибуны без стеснения именуют «быдлом», вечные оппозиционеры, кривясь, кланут за долготерпение и неохоту выходить на площади с лозунгами и топорами. Какой там народ, не смешите, пожалуйста, так, биологическая масса, безликая толпа, заражённая вирусом бездумного потребления»*.

С точки зрения сугубых почвенников, городской книжечей в джинсах и за компьютером к народу, понятно, отношения не имеет. Их архаическая этика под народом подразумевает одних лишь обитателей глухих заброшенных деревень, одетых в эпические зипуны и презирающих самые полезные достижения цивилизации».

Затем автор, отвергая предыдущие точки зрения, предлагает собственную интерпретацию «народа»:

«Народ – это люди, живущие своим горбом, простите, трудом, независимо от того, какого напряжения в нём больше – физического, умственного или нервного, люди, что-то на земле создающие – руками, головой, душевным ли порывом, но не стригущие купоны, не проедающие наследство, не ловящие удачу за зелёным сукном в казино и уж тем более не вымогающие взятки».

Как видно из данного примера, сама существующая в метаязыковом сознании публициста возможность прочтения общеупотребительного слова как метафорического является стимулом к активной интерпретационной деятельности.

Лингвистическая классификация типов интерпретации метафоры

В основе интерпретации метафоры, как уже было сказано, лежит когнитивный поиск пересекающихся значений в ассоциативно-семантических полях двух понятий: слова-параметра и слова-аргумента. Особенность публицистического дискурса заключается в том, что у автора отсутствует возможность представить интерпретацию в ее первичном ассоциативном виде. Набор ассоциаций, вызванный в сознании автора внутренней формой метафоры, для того чтобы быть воспринятым читателем, обязательно должен быть организован в осмысленный текст. На наш взгляд, в рамках публицистического дискурса существует три типа интерпретирующих метафору текстов: *тексты, тяготеющие к дефиниции; тексты, тяготеющие к нарративу; тексты, основанные на «наименовании» вторичных метафор*. Разумеется, данные типы интерпретирующих текстов не являются взаимоисключающими. В одном конкретном тексте могут быть воплощены сразу два или три типа интерпретации.

Дефиниционный тип интерпретации метафоры

Дефиницией называется определение какого-либо понятия или категории, содержащее наиболее существенные, значимые его признаки. Типовая структура дефиниции содержит указание на ближайший род (класс) понятий или явлений, а также на видовые отличия, т. е. признаки, которые отличают определяемый предмет от всех других предметов того же класса [8, с. 285]. Поскольку внутренняя форма метафоры не является ни понятием, ни категорией, то наименование «дефиниционный тип интерпретации метафоры» используется с определенной долей условности.

Дефиниционный тип – такой тип интерпретации метафоры, который в той или иной форме содержит описание свойств и качеств слова-параметра и слова-аргумента, а также различные рассуждения о связях между ними. При дефиниционном типе интерпретации автором выделяются не наиболее значимые свойства и качества соответствующих понятий и явлений, а лишь те свойства и качества, которые являются общими или сходными. Выбор дефиниционного типа интерпретации обусловлен стремлением автора к логическому обоснованию метафоры. На наш взгляд, дефиниционный тип интерпретации более близок не к научной, а к обыденной дефиниции, включающей в себя, помимо описания свойств и качеств объекта,

также чувственные ощущения и представления, связанные с этим объектом.

«Двадцать пять лет идёт у нас идеологическая междоусобица. Не дискуссия, а боевые действия: миф пошёл войной на миф. Миф – это совсем не враньё, не байка. По Лосеву, миф – это форма осмысления реальности массовым сознанием. Кому мешает героический советский миф? Он мешает тем, кто хотел бы легализовать своё презрение к трудовому большинству, к плебсу» (А. Замостьянов. ЛГ. № 51, 2010).

Используя перифразированное определение мифа А. Ф. Лосева, А. Замостьянов отождествляет массовое сознание с сознанием масс. «Массовое сознание» является объектом исследования современных гуманитарных наук, оно обладает длительной историей формирования и сложной внутренней структурой, термин «массы» же использовался в советской публицистике для обозначения «народа» в социологическом смысле, противопоставленного буржуазным элитам (у Замостьянова «массы» названы *«трудовым большинством», «плебсом»*). Метафора *«идеологическая междоусобица»*, таким образом, толкуется Замостьяновым посредством авторской дефиниции.

Нарративный тип интерпретации метафоры

Нарратив в самом общем смысле понимается как повествование – изображение событий или явлений, следующих друг за другом или обуславливающих друг друга. Повествование теснейшим образом связано с пространством и временем – хронотопом. Обозначение места, действия, название лиц, производящих действия, и обозначение самих действий – это языковые средства, с помощью которых ведётся повествование.

Нарративный тип – такой тип интерпретации метафоры, который раскрывает внутреннюю форму метафоры посредством повествования о событиях, явлениях, протяженных во времени. В ходе данного повествования раскрываются те общие компоненты ассоциативно-семантических полей, которые составляют основу внутренней формы метафоры.

В стране меж тем воцарялась стихия рынка, в сознание людей спешно внедрялись новые нормативы бытия, психология напористого прагматизма, алчные призывы: «Бери от жизни всё!», «Лови шанс!», «Обогащайтесь здесь и сейчас!» (И. Уханов. ЛГ, № 47, 2010).

Данное повествование характеризуется неясным временным периодом, отсутствием действующих субъектов (неясно кем внедрялись новые нормативы бытия) и широкими пространственными координатами («в стране»). Эти свойства нарратива можно соотносить со «стихией» как в значении «явление природы, обладающее часто разрушительной силой, которой человек не в состоянии противостоять или покоряемой с большим трудом», так и в значении «явление общественной жизни, не поддающееся регулируемому воздействию людей, общества» [6, с. 1270]. Прямая речь, представленная «рыночными» лозунгами, является свойством художественного повествования, с помощью которого автор драматизирует текст, что соотносится со словом «воцарялась». Таким образом,

при нарративном способе интерпретации метафоры существенное значение для раскрытия ее внутренней формы имеют формальные свойства повествования, такие, как хронотоп, субъекты повествования, прямая речь.

А. Семин в статье «Огнем и долгами», раскрывая метафору посредством повествования, создает своего рода батальную сцену: *«В 2010 году метеорологи не заметили приближения одной из самых сильных засух за последнее столетие. В июне она медленно вползла на территорию России и, как страшная вражеская сила, подминала одну область за другой. Первыми не выдержали леса, запылали, будто сушняк в костре. Лишь когда загорелись целые деревни и огонь подступил к городам, началась мобилизация людей и техники на их спасение»* (ЛГ, № 51, 2010).

В данном случае для интерпретации метафоры ключевое значение имеют глаголы, которые берутся как из семантической сферы слова-параметра «засуха» («леса запылали», «деревни загорелись»), так и из семантической сферы слова аргумента «вражеская сила» («подминала одну область за другой», «огонь подступил к городам»). Такая контаминация лексики из разных сфер возможна благодаря общей «метафорической рамке» повествования, позволяющей описывать природное явление в военных терминах. Целью подобной стратегии повествования является драматизация текста, необходимая для удержания внимания читательской аудитории.

Метафорический тип интерпретации метафоры

Метафорический тип – такой тип интерпретации метафоры, который основан на «нанизывании» в тексте последовательно создаваемых автором метафор, каждая из которых вносит семантический вклад в прояснение внутренней формы других метафор.

«Пожар!» – кричал своей повестью Валентин Распутин, указуя на вопиющие казнокрадство, бесхозяйственность и упадок морали в людях поры развитого социализма. Так то, оказывается, были ещё цветочки, бутончики, Валентин Григорьевич. Настоящий пожар пришёл на Русь куда как позднее. Но никто не взывает: «Пожар!» Все покорно говорят – стихия. И разводят руками: ничего не попишешь, собирай головешки. Сравнивают с цунами и наводнением в Пакистане. Вот, дескать, стихия! Да, но цунами вызывают подводные землетрясения, сдвиги тектонических плит и др. А у нас во владимирских, нижегородских и подмосковных краях чего такого сдвинулось-то?» (Г. Гореловский. ЛГ. № 49, 2010).

Для метафорического типа интерпретации метафоры характерно обильное использование риторических средств – обращений, риторических вопросов. Это связано с особой экспрессивностью такого текста. Метафоры получают единство в рамках единого эмоционального фона, который компенсирует возможный недостаток общих смыслов. Например, *«И сегодня долевая вода в Воронеже мутна чрезвычайно. Возле совещаний-комиссий кружат вороны-инвесторы»; им тоже хочется добычу вырвать. Дольщики осваиваются в роли обманутых, привыкают жить взаимы, открывают сайты в Интернете и темы на форумах,*

где обсуждают дела свои скорбные. Например, www.dolevka.vrn.ru/ – там дольщики «Строй-Арта» и «НТ+» открыли тему «Как уводят активы Чурсанова». Очень интересно – просто детектив с участием группировок номенклатурных «инвесторов»! Правда, детективы эти подчиняются простым законам джунглей: никто не собирается отдавать свою добычу тем, кто стоит ниже в пищевой цепочке» (А. Ягодкин. ЛГ, № 35, 2010).

И. Кириллов развивает сразу несколько параллельных метафор: «В большинстве рассказов – как правило, в самом их начале – находишь художественные зёрна и ждёшь, что они дадут всходы. Очень скоро выясняется, однако, что бесплодна почва, в которую они посеяны. Неблагополучие лежит в основе словесного стиля автора. Писатель словно не ощущает вес слова, и отсюда лёгкая, бескрайняя и бесцветная многоречивость. В ней угасают, ссыхаются, как в пыли, задуманные образы» (ЛГ, № 47, 2010).

Метафоры в данном примере объединены общими семантическими полями, одно из которых условно можно назвать «литературным», а другое «сельскохозяйственным». Они построены по единому принципу и за счет этого проясняют внутреннюю форму друг друга.

Таким образом, в современном публицистическом тексте метафора является словом-стимулом, детерминирующим процесс порождения интерпретирующего ее текста. Т. е. дискурсивное взаимодействие метафоры и последующего текста можно рассматривать как отношения в паре «интерпретируемый – интерпретирующий текст». При этом как интерпретируемый, так и интерпретирующий текст имеют одного и того же субъекта – автора публикации. Интерпретирующий текст в этом случае является по своей функции и форме организацией метатекстом.

В публицистических текстах используется три типа интерпретации метафоры: дефиниционный, нарративный и метафорический. Дефиниционный тип включает в себя, помимо описания свойств и качеств объекта, также чувственные ощущения и представления, связанные с этим объектом. Нарративный тип раскрывает внутреннюю форму метафоры посредством повествования о событиях, явлениях, протяженных во времени. Метафорический тип интерпретации метафоры основан на «нанизывании» в тексте последовательно создаваемых автором метафор, каждая из которых вносит семантический вклад в прояснение внутренней формы других метафор. Наиболее частотным является дефиниционный тип, отражающий общий принцип реализации семантизирующего процесса.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М., 1979.
2. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
3. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1991. – 193 с.
4. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2.
5. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
6. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
7. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.
8. Голев, Н. Д. Обыденное и профессиональное лексикографирование: аспекты и оппозиции / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 3. – Кемерово, 2010. – С. 219 – 289.
9. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
10. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография / Л. Г. Ким. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. – 312 с.
11. Крюкова, Н. Ф. Метафора как средство обновления и сохранения семантических полей / Н. Ф. Крюкова // Сохранение и обновление языковых подсистем. – Тверь, 1992.
12. Крюкова, Н. Ф. Метафора и смысловая организация текста / Н. Ф. Крюкова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – 163 с.
13. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [пер. с англ. Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова]. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
14. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.
15. Москвин, В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 184 с.
16. Ортони, Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре / Э. Ортони // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 219 – 235.
17. Резанова, З. И. Метафора в процессах языкового миромоделирования / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина, Д. А. Катунин // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. – Воронеж, 2003.
18. Рикер, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикер // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990.

19. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988.
20. Харченко, В. К. Функции метафоры / В. К. Харченко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 88 с.
21. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

Информация об авторах:

Ким Лидия Густовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка КемГУ, 8-923-430-77-82, kimli09@mail.ru.

Kim Lidiya Gustovna –Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Russian Language department of KemSU.

Сагдиев Тимур Раисович – магистр филологии, Кемеровский государственный университет, 8-961-707-04-14, timurazz@inbox.ru.

Sagdiyev Timur Raisovich – master's degree student at KemSU.